

Аборигенные сообщества Российской Арктики в XX веке : власть и номады Якутии / Т. С. Винокурова, Я. М. Санникова, А. А. Сулейманов, В. В. Филиппова, С. А. Григорьев // Научный диалог. — 2019. — № 2. — С. 188—203. — DOI: 10.24224/2227-1295-2019-2-188-203.

Vinokurova, L. I., Sannikova, Ya. M., Suleymanov, A. A., Philippova, V. V., Grigoryev, S. A. (2019). Aboriginal Communities of Russian Arctic in the 20th Century: Authorities and Nomads of Yakutia. *Nauchnyi dialog*, 2: 188-203. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-2-188-203. (In Russ.).

УДК 94:316.343.43(571.56)“19”

DOI: 10.24224/2227-1295-2019-2-188-203

Аборигенные сообщества Российской Арктики в XX веке: власть и номады Якутии

© **Винокурова Лилия Иннокентьевна (2019)**, orcid.org/0000-0002-5779-6893, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук (Якутск, Россия), lilivin@mail.ru.

© **Санникова Яна Михайловна (2019)**, orcid.org/0000-0002-7430-8783, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории и этносоциологии Арктики, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук (Якутск, Россия), sannikowa@mail.ru.

© **Сулейманов Александр Альбертович (2019)**, orcid.org/0000-0001-8746-258X, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории и этносоциологии Арктики, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук (Якутск, Россия), alexas1306@gmail.com.

© **Филиппова Виктория Викторовна (2019)**, orcid.org/0000-0002-3900-918X, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук (Якутск, Россия), filiprovav@mail.ru.

© **Григорьев Степан Алексеевич (2019)**, orcid.org/0000-0001-9365-0122, кандидат исторических наук, научный сотрудник сектора арктических исследований, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук (Якутск, Россия), DeTample@yandex.ru.

Рассматриваются вопросы динамики образа жизни номадов-оленьеводов Якутии под воздействием трансформационных процессов, происходивших в течение XX столетия. Показано, что изменения политических и социально-экономических реалий дважды кардинально меняли среду жизнедеятельности кочевников. Отмечается, что в 1930—1960-е годы оленеводство в республике подверглось воздействию политики массовой коллективизации хозяйств и перевода на поселковое про-

живание. Указано, что советская модернизация села стала значительным вызовом для кочевников: было оказано прямое административное давление как при обобществлении, так и при переводе на оседлый образ жизни. Освещена особо длительная сохранность кочевания в Якутии как образа жизни, обусловленная особенностями ведения традиционного оленеводства в республике. Авторы считают позицию официальной власти по отношению к традиционному хозяйству кочевников только как к товарной отрасли аграрного сектора обесценивающей культурные ценности кочевых сообществ. Подчеркнуто, что трансформации образа жизни вызвали кризис кочевой семьи, прервали преемственность поколений в кочевых сообществах, способствовали дискриминации культуры кочевых этносов. Указано, что возвращение кочевых родовых общин в 90-е годы XX века было формой этнической самоорганизации оленеводов Якутии.

Ключевые слова: Арктика; Якутия; социальная история; коренные народы; оленеводство; традиционное хозяйство.

1. Введение

Территория крупнейшего субъекта Российской Федерации — Республики Саха (Якутия) — является местом традиционного проживания аборигенных этносов Арктики: юкагиров, эвенов, эвенков, долган, чукчей. Аборигенные сообщества, являясь на протяжении длительного времени неотъемлемой частью общероссийского государства, в полной мере пережили все изломы отечественной истории. Происходившие в XX веке процессы привнесли в уникальную культуру народов Севера самые разные изменения, глубина которых до сих пор осмысливается общественностью и научным сообществом. Одним из драматических примеров трансформации традиционного образа и уклада жизни коренных народов является судьба кочевого образа жизни оленеводов Якутии в XX веке.

На обширной территории республики кочевое оленеводство длительное время оставалось значимой частью жизнедеятельности людей. Нельзя сказать, что коренное население Якутии и его хозяйственные занятия не получили должного освещения в науке. Имеется достаточное количество исследований по истории кочевого образа жизни в Якутии, которые начинаются с имен зачинателей российской антропологии Севера, таких как В. Г. Богораз [Bogoraz, 1918], В. И. Иохельсон [Иохельсон, 1900] и Г. Ф. Майдель [Майдель, 1894]. Гуманитарные аспекты развития традиционного оленеводства затрагивались в советское время советскими специалистами, в частности, А. Д. Курилюком [Курилюк, 1982], Ф. С. Донским [Донской, 2006] и др. В историографии данного периода преобладали подходы к освещению и оценке традиционного образа жизни аборигенов национальных окраин как анахронизмов, несовместимых с прогрессом и строительством коммунизма.

Представляется, что именно в силу идеологического обоснования «бесперспективности», неизбежности ликвидации традиционного образа и уклада жизни в историографии фактически отсутствуют специальные исследования истории образа жизни оленеводческих сообществ. Отметим, что это только подчеркивает слабую изученность социальной истории Севера в целом. Десятилетиями общественному сознанию, включая самих оленеводов, навязывалась идея безнадежной отсталости, «дикости» кочевого образа жизни. Последствия такой политической установки достаточно широко осветила пост-советская историография, в совокупности их обозначив как «большие проблемы малых народов». Среди наиболее болезненных были названы: разрыв преемственности поколений в кочевых сообществах в результате внедрения интернатской системы обучения (отход новых поколений от традиционных знаний предков и навыков хозяйствования), вытеснение и постепенная потеря языка и культуры северных этносов. Социальная уязвимость малочисленных сообществ Якутии особенно очевидна на примере юкагирского этноса [Сулейманов, 2018].

В настоящее время подавляющее большинство исследований посвящено кочевому образу жизни номадов Европейского Севера, Западной Сибири, а также Чукотки. В исследованиях новейшего периода кочевое хозяйство было признано экологически сбалансированным, адаптированным для природных систем Арктики, основой самобытной культуры коренных народов Севера. Таково мнение как российских, так и зарубежных исследователей Севера — таких как А. И. Пика, Б. Б. Прохоров [Пика и др., 1988], А. В. Головнев [Головнев, 1995; 2009], К. Б. Клоков [Клоков, 2012], Е. А. Волжанина [Волжанина, 2013], Д. Андерсон [Андерсон, 1998], Ф. Штаммлер [Stammler, 2005] и др. В отдельное направление выделилось изучение кочевых обществ в контексте проблемы адаптации их к современным экономическим отношениям, где для нас ценны работы В. В. Карлова [Карлов, 2016], Е. П. Мартыновой [Мартынова, 2014], Л. Н. Каховской [Каховская, 2017], Г. И. Шмидта [Шмидт, 1998], К. В. Истомина [Истомин, 2015] и др.

Несмотря на то, что к настоящему времени изучены основные тенденции изменений в пространстве жизнедеятельности коренных малочисленных народов Севера Якутии во второй половине XX века [Филиппова, 2007], следует признать, что социальная история советских поселений для вчерашних кочевников остается малоисследованной в региональной историографии. В данной статье мы рассматриваем судьбы номадов-оленьеводов в Якутии через призмы преимущественно советской, а также постсоветской парадигмы развития в рамках XX века.

2. Государство и традиционное хозяйство кочевников в первой половине XX века

Кочевой образ жизни оленеводческих сообществ Якутии в прошлом столетии претерпел под воздействием политики государства серьезные трансформации. В ходе советских реформ 1920-х годов, а также при районировании северных территорий в 1930—1931 годах начался слом традиционного уклада жизни, существовавшей системы социальных отношений. Ликвидация досоветской системы родовых и окружных советов, формирование кочевых (туземных), районных советов по территориальному признаку происходили с позиций «классового подхода». Новая власть национализировала крупную собственность у оленеводов, приступила к огосударствлению оленеводства.

Крупнейшее по своим последствиям вторжение в традиционный образ жизни оленеводческих сообществ Якутии в XX веке, как и по всей стране, связано с осуществлением политики коллективизации. В течение 1930-х годов во вновь созданных 19 северных и национальных районах республики было проведено огосударствление традиционных хозяйственных занятий всего населения Севера [Тарасов, 1967, с. 56—75]. В дальнейшем государство контролировало и оценивало развитие оленеводства по показателям обобществления поголовья оленей и организации советских мероприятий. Оленеводы и их хозяйства в административном порядке были вовлечены в государственный сектор экономики, стали частью колхозной системы.

Коллективизация в традиционном хозяйстве Севера, включая оленеводческие хозяйства, прошла в республике в несколько этапов. На начальном этапе, который охватывал 1930—1932 годы, ведущей была роль Якутского интегрального союза как специальной системы кооперации индивидуальных хозяйств. Темпы коллективизации были неудовлетворительны, поэтому предпринимались попытки форсировать, в частности, довести количество колхозов до 65 % от общей численности хозяйств. Республиканская власть летом 1932 года постановила в северных районах организовать преимущественно смешанные промысловые артели [Тарасов, 1967, с. 82—83].

Протестное поведение, повсеместное бегство оленеводов от данной формы коллективизации вызвало специальное постановление ЦК ВКП (б) от 1 сентября 1932 года «О формах коллективизации в районах народностей Крайнего Севера». Этим постановлением были признаны перегибы на местах и преждевременность спешно созданных артелей. В результате бюро Якутского обкома 25 октября 1932 года постановило, что основной

формой коллективизации во всех национальных и северных районах следует считать первичную форму производственного кооперирования — товарищество [Тарасов, 1967, с. 93]. Следующим шагом в коллективизации хозяйств является период 1933—1938 годов, когда было увеличено количество северных колхозов. Зимой 1936 года существовало 222 северных колхоза, из которых 198 были организованы в форме товариществ. Средний показатель коллективизации по отношению к общему числу хозяйств составил 53,9 %.

С целью преодоления сопротивления оленеводов было разрешено колхозникам в северных районах иметь в личном пользовании собственных оленей. Например, в Нижне-Колымском районе на 1 января 1936 года распределение поголовья оленей выглядело следующим образом: 51,8 % в коллективном владении и 48,2 % в частном владении оленеводов [Санникова, 2016, с. 215—229]. Сложным путем, включающим прямое давление и вынужденные уступки, к 1936 году кооперированием было охвачено до 77 % населения северных и национальных районов Якутии. Данный период характеризовался также активной пропагандой со стороны партийных и советских органов преимущества коллективного снабжения, совместного владения собственностью. Необходимо указать, что к этому времени относится еще одно важное событие, повлиявшее на судьбы кочевников Якутии. В 1936 году функции организации и управления оленеводческими хозяйствами перешли к Наркомзему РСФСР. Из комплексного северного хозяйства был изъят пушной промысел, который перешел в компетенцию системы Главсевморпуть, где теперь решались все вопросы пушной добычи [Боякова, 1995, с. 81—86].

Период 1939—1940 годов стал третьим, завершающим этапом в коллективизации оленеводческих и промысловых хозяйств на Севере Якутии. В феврале 1939 года обком республики и областная партийная конференция приняли решение о форсировании темпов коллективизации, а уже в декабре 1940 года уровень коллективизации хозяйств оленеводов и охотников составил более 90 %. Государство добилось поставленной задачи, отныне традиционные отрасли хозяйства Севера стали частью аграрного сектора советской экономики.

Отметим, что весь процесс коллективизации прошел при административном давлении и прямом насилии, что не могло не оставить след в социальном самоощущении оленеводов. Трансформация охватила не только развитие традиционного хозяйства Севера, радикально изменив сферу хозяйствования, но и всю социально-экономическую среду жизнедеятельности, изменив образ жизни кочевого населения [Санникова, 2016, с. 215—229].

3. Кочевой образ жизни во второй половине XX века

Следует признать, что в личных хозяйствах оленеводов рост поголовья оленей сохранялся практически до 1949 года, за исключением периода войны. Затем численность оленей постепенно начала сокращаться, оленеводство приобретало преимущественно транспортное направление. Это было обусловлено экономической стратегией государства: олени были востребованы для завоза промышленных и продовольственных товаров в растущие послевоенные посёлки Севера. Начиная с 1944 года известное управление Дальстрой, предприятия золотодобывающей промышленности создавали для своих нужд оленеводческие совхозы и подсобные хозяйства. В 1946—1953 годах они держали в среднем в год по 71—72 тыс. оленей.

Транспортное направление оленеводческого хозяйства предполагало большое количество ездовых оленей, удельный вес которых в общем стаде доходил до 25—27 %. В 1947—1953 годах колхозы продали, выдали в порядке дополнительной оплаты и распределили по трудодням более 53 тысяч оленей, но их поголовье в личной собственности колхозников по республике оставалось на прежнем уровне. В колхозном секторе для крупных стад вводились элементы прогрессивной организации труда: использование пастбищ с учетом их биоресурсов, составление маршрутов перекочевов с чередованием территорий выпасов; внедрение круглосуточной охраны оленей с помощью оленегонных собак и т. д.

Развитие горнодобывающей промышленности ускорило активную эксплуатацию водного и автомобильного транспорта на северных реках; расширилось строительство автодорог и зимников. Это послужило основной причиной сокращения численности транспортных оленей, принадлежащих государственным и кооперативным предприятиям. Одновременно увеличение контингента рабочих и служащих в промышленности повысило потребность данного населения в мясе. Колхозы начали переориентироваться на мясное направление, что сказалось на структуре и численности оленьих стад. В 1959—1960 годах рост поголовья оленей произошел в основном за счет колхозного стада.

В период 1940—1980-х годов оленеводческие сообщества Якутии пережили сложный период адаптации к потребностям государственной экономики и политики. Особым вызовом для кочевников в советское время стала масштабная комплексная кампания по переводу на оседлый образ жизни, переселению кочующих семей с земель их предков. Отметим, что на этапах коллективизации оленеводы Якутии продолжали сохранять кочевой жизни, вопрос об их стационарном поселковом проживании еще не стоял.

Политика перевода кочевого населения на оседлый образ жизни оказала сильное воздействие на судьбы оленеводов-кочевников всего Российского Севера. Постановление Совета Министров РСФСР от 20 февраля 1960 года обязывало обеспечить в ближайшие 2—3 года перевод всего коренного населения Крайнего Севера на оседлый образ жизни. Указывалось, что в районах Севера продолжают кочевать около 7000 семей малых народностей, из них свыше 1200 семей — в Якутской АССР. Если учесть, что с бригадами кочует значительная часть членов семей работников оленеводства, то общее число кочующих оленеводов России в 1960 году превышало 30 тыс. чел. [ГАРФ, ф. А-259, оп. 42, д. 8165, л. 5—6].

Якутия считалась и осталась регионом, в котором неудовлетворительно внедрялись в жизнь государственные постановления по переводу кочевников на оседлый образ жизни. Темпы перехода сдерживались элементарной нехваткой жилья для коренного населения на Крайнем Севере Якутии. Так, в Нижнеколымском районе большинство экономически активного населения в начале 1970-х годов продолжало вести кочевой образ жизни. Из 264 чел. представителей малочисленных этносов в оленеводстве было занято 53,8 %, а в охотничьем хозяйстве — 11,8 %. Перевод кочующего населения был масштабным и длительным мероприятием, требующим пространственной и социальной организации. Кочевые и полукочевые хозяйства на Севере сохранялись, невзирая на активную пропаганду и проводимые мероприятия, вплоть до 80-х годов XX века. К примеру, в северных районах республики на 1 января 1980 года кочевали 302 семьи из числа народностей Севера с общей численностью 896 чел. [МАМР НР, ф. 12, оп. 1, д. 251].

При анализе собранных нами историй жизни северян обнаружилось, что сюжет перехода вчерашних кочевников на стационарное проживание в посёлках является одним из важных моментов в череде пережитого. Обращает внимание на себя факт того, что насильственность перевода на оседлость до сих пор мало обсуждается с посторонними: социальная антропология обозначает это как «практику “умалчивания” болезненных вопросов... “Нам было сказано, что жить в тордохах (традиционная кочевая палатка, покрытая шкурами оленей. — Л. В.) больше нельзя, надо жить в современном доме, как живут другие люди... Было непривычно, неудобно, старики жаловались, что задыхаются в этих “замурованных со всех сторон” домах, особенно с постоянным отоплением”...» [Винокурова, 2018, с. 56]. Административный, поверхностный подход к образу и укладу жизни кочевников проявлялся повсюду, включая необоснованный выбор мест для некоторых создаваемых посёлков [Филиппова, 2017]. В этих ста-

ционарных оленеводческих поселениях социальная инфраструктура и система снабжения отставали по важным критериям не только от средних по стране, но и среднереспубликанских весь период социализма.

Одним из ударов по кочевым сообществам следует признать кризис института семьи, произошедший в советский период. Традиционно вся семья кочевала вместе круглый год. В связи с политикой перевода кочевого населения на оседлый образ жизни дети школьного возраста должны были жить в поселках. Родителей теперь они видели только во время летних каникул. В советский период для женщин-олeneводоов была введена специальная должность — чумработница. По штатному расписанию полагалась одна оплачиваемая ставка чумработницы на 10 рабочих мест для мужчин. Часть женщин кочевала с родными и мужьями бесплатно или выполняя «мужские» рабочие обязанности в оленеводческой бригаде. Часть женщин пополнила население поселков, где изначально был дефицит бюджетных рабочих мест, трудоустройство также затруднялось низкой конкурентоспособностью кочевниц. О гендерных перекосах в оленеводстве заговорили еще при социализме.

После развала СССР в связи с закрытием большинства интернатов, в которых жили дети оленеводов, большинство женщин из оленеводческих стад было вынуждено переехать в поселки, чтобы заниматься образованием и воспитанием своих детей. В 1990-е годы из-за необходимости круглогодичного присмотра за оленями на землях родовых общин в радиусе 100—200 км от сел в оленеводстве также были больше представлены мужчины. В эпоху рынка появилась еще одна причина для раздельного пребывания женщин и мужчин-олeneводоов: для регулярной отчетности и выполнения разных формальностей по документации главами кочевых родовых числятся, как правило, женщины. Именно они занимаются решением текущих юридических, финансовых и прочих вопросов кочевых общин, включая закупку техники, оборудования, продовольствия. Фактически являющийся главой общины мужчина, несущий основную производственную нагрузку, находится при стаде круглогодично.

4. Оленеводы Якутии в 1990-е годы

Социально-экономические процессы, начавшиеся во второй половине 1980-х годов и продолжившиеся в 1990-е, стали очередным крупным вызовом для традиционного оленеводства. В конце 1980-х — в постсоветские 1990-е годы переход на рыночные отношения поставил оленеводов перед необходимостью выбора пути хозяйственного развития. Многие хозяйства возродили самостоятельные кочевые родовые общины. Подобную форму

избрали преимущественно оленеводческо-промысловые и промысловые хозяйства. Они реорганизовывались в родовые общины, а скотоводческо-коневодческие — в крестьянские хозяйства. В целом процесс создания родовых общин вместили в себя противоречивые тенденции — с одной стороны, это было возвращение к исконной форме хозяйствования, а с другой — родовые общины были оценены прежде всего как хозяйствующие субъекты [Санникова, 2017, с. 263]. Государственная власть в условиях кризиса продолжала рассматривать оленеводство как обычную отрасль аграрного производства, переживающего трудности. Между тем Север был отброшен в условия 1920-х годов: специалисты забили тревогу, что, как в первые десятилетия века, вернулась проблемы нищеты и недоедания [Донской, 2006, с. 284—288]. В подобной ситуации образ жизни кочевников-оленеводов, их социальный статус в новых социальных координатах стали предметом политических дискуссий, основным компонентом программ общественного движения коренных малочисленных народов Якутии. Идея самоценности кочевания вошла в программы новых общественных организаций, отстаивающих права коренных малочисленных народов Севера. Возрожденные родовые общины стали неотъемлемой частью общей хозяйственной структуры региона.

Новое руководство Якутии, получившее после распада СССР определенную независимость от Москвы, также помогло кочевникам в их стремлении к созданию родовых общин. В первые постсоветские годы начала образовываться законодательная база для защиты прав коренных малочисленных народов. В 1992 году одним из первых в России в Республике Саха (Якутия) был принят закон «О кочевой родовой общине малочисленных народов Севера». Он официально определил само понятие «родовая община», описал ее статус и цели. Кочевым общинам, семьям и отдельным представителям коренных народов Севера в местах проживания и хозяйственной деятельности было предоставлено преимущественное право заключать договоры и получать лицензии на использование возобновляемых биологических ресурсов. Принятие этого закона продемонстрировало признание республикой коллективного права аборигенных этносов на владение своими родовыми землями. Важным был тот факт, что кочевой образ жизни теперь не считался «отсталой формой ведения домашнего хозяйства» и получил свое право на существование.

Якутия также стала первым субъектом России, в Конституции которого закреплено право малочисленных народов на создание собственных национально-автономных образований. В отличие от советского периода, когда освоение природных ресурсов происходило без учета взглядов

коренных этносов, в 1990-х годах власти и промышленные предприятия начали координировать и регулировать вопросы недропользования с местными жителями, ведущими кочевой образ жизни. Правовая база, сформированная в 1990-х годах, в значительной степени защищала кочевые общины Якутии от негативных последствий промышленного развития, характерных для советской эпохи. Но при этом, следует отметить, что общий экономический кризис в России в те годы стал еще одним объективным «защитником» территорий коренных народов. Сворачивание промышленных предприятий на территории Якутии снижало уровень ее воздействия на традиционную экономику и культуру кочевников. Неслучайно, несмотря на социально-экономические проблемы, период 1990-х годов многие исследователи характеризуют как время «этнического возрождения» и культурного возрождения аборигенов Севера.

5. Заключение

Коренные народы Якутии, ведущие кочевой образ жизни, испытали на себе все политические и социально-экономические потрясения прошлого столетия. В 1930-е годы оленеводческие хозяйства были насильственным путем вовлечены в обобществленный сектор экономики. Коллективизация и перевод на оседлость навсегда изменили традиционный образ жизни коренного сельского населения Севера Якутии. Для кочевников колхозная, затем совхозная система производства и расселения означали новые условия труда и быта, новую повседневность, формирующую новые «правила жизни». В результате трансформаций оленеводство, являвшееся основой образа жизни кочевников, превратилось в товарную отрасль советской экономики. Отношение к оленеводам как сельским товаропроизводителям, а не как носителям адаптированной к условиям Арктики культуры кочевого образа жизни, оказалось очень стойким.

В попытках искоренения «социального атакизма» кочевания был принят ряд мер: перевод кочевого населения на оседлость; устранение женщин и детей от оленеводства и т. п. Последствиями этого были кризис института кочевого семьи, разрыв преемственности поколений в кочевых сообществах. Данные негативы сопровождались постепенным вытеснением и потерей языка и культуры северных этносов.

В постсоветское время кочевые сообщества Якутии вынуждены были столкнуться уже с трудностями переходного периода, но при этом новая государственная политика уже не несла в себе неприятия кочевого образа жизни, характерного для советского периода. В последнее десятилетие XX века практически все оленеводческие хозяйства оказа-

лись перед самостоятельным выбором пути развития. В ситуации вынужденной свободы от патерналистского протектората в 1990-е годы оленеводы Якутии вернулись к традиционным кочевым общинам, проявив при этом значительную волю и общественную активность для отстаивания собственных прав.

Номады Якутского Севера еще раз продемонстрировали способности к адаптации, востребовав исконные формы самоорганизации. Их образ жизни был манифестирован как основное этнообразующее хозяйственное занятие для тысяч представителей коренных малочисленных народов Севера Якутии. На рубеже XX—XXI веков родовые общины северных этносов постепенно стали составной, неотъемлемой частью общественной и экономической жизни республики. В текущем веке перед кочевничеством как экологически сбалансированным образом жизни, обладающим определенным потенциалом для интеграции в современный мир, стоят новые вызовы, и они связаны с растущей волной новой промышленной и транспортной экспансии в регионе.

Источники и принятые сокращения

1. ГАРФ — *Государственный архив Российской Федерации*. Ф. А-259. О. 42. Д. 8165.
2. МАМР НР — *Муниципальный архив Нижнеколымского района РС(Я)*. Ф. 12. О. 1. Д. 251.
3. *Якутия: XX век в зеркале статистики*. — Якутск : Сахаполиграфиздат, 2001. — 293 с.

Литература

1. *Андерсон Д. Дж.* Тундровики. Экология и самосознание таймырских эвенков и долган / Д. Дж. Андерсон. — Новосибирск : Издательство СО РАН, 1998. — 272 с.
2. *Боякова С. И.* Главсевморпуть в освоении и развитии Севера Якутии (1932 — июнь 1941 гг.) / С. И. Боякова. — Новосибирск : Наука, 1995. — 128 с.
3. *Винокурова Л. И.* Повседневность сельских поселений Якутии в историко-культурном пространстве второй половины XX века / Л. И. Винокурова // *Северо-Восточный гуманитарный вестник*. — 2018. — № 3. — С. 52—57.
4. *Волжанина Е. А.* Пути перехода с кочевого на оседлый образ жизни и обратно на Ямале в первой трети 30-х гг. XX в. / Е. А. Волжанина // *Вестник археологии, антропологии и этнографии*. — 2013. — № 2. — С. 131—140.
5. *Головнев А. В.* Антропология движения / А. В. Головнев. — Екатеринбург : УрО РАН ; Волот, 2009. — 497 с.
6. *Головнев А. В.* Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров / А. В. Головнев. — Екатеринбург : УрО РАН, 1995. — 600 с.

7. *Донской Ф. С.* Коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока во 2-ой половине XX в. / Ф. С. Донской. — Новосибирск : Наука, 2006. — Т. 3. — 427 с.
8. *Иохельсон В. И.* Бродячие роды тундры между реками Индигиркой и Колымой, их этнический состав, наречие, быт, брачные и иные обычаи и взаимодействие различных племенных элементов / В. И. Иохельсон // Живая старина. — 1900. — № 1—2. — С. 1—43.
9. *Истомин К. В.* Кочевая мобильность коми-ижемских оленеводов: снеговая революция и рыночная реставрация / К. В. Истомин // Уральский исторический вестник. — 2015. — № 2 (47). — С. 17—25.
10. *Карлов В. В.* Кочевники в мире модерна и постмодерна. Опыт и перспективы адаптации / В. В. Карлов // Сибирские исторические исследования. — 2016. — № 4. — С. 131—153.
11. *Ковлеков С. И.* Аграрная реформа в Республике Саха (Якутия) в 1991—1995 гг. / С. И. Ковлеков // Суверенная Республика Саха (Якутия) (1991—1996) : проблемы коренных преобразований. — Якутск : ИГИ АН РС(Я). — 1999. — С. 76—110.
12. *Курилюк А. Д.* Оленеводство Якутской АССР / А. Д. Курилюк. — Якутск : Якутское книж. изд-во, 1982. — 161 с.
13. *Майдель Г. Л.* Путешествие по Северо-Восточной части Якутской области в 1868—1870 годах / Г. Л. Майдель. — Санкт-Петербург : Издательство Императорской Академии наук, 1894. — 599 с.
14. *Мартынова Е. П.* Оленеводы Ямала и рыночная экономика: взгляд антрополога / Е. П. Мартынова // Научный вестник Ямало-Ненецкого автономного округа. — 2014. — № 1 (82). — С. 46—50.
15. *Пика А. И.* Большие проблемы малых народов / А. И. Пика, Б. Б. Прохоров // Коммунист. — 1988. — № 16. — С. 76—83.
16. *Санникова Я. М.* Аграрная политика и возрождение родовых общин в арктических районах Якутии в 1990-е гг. / Я. М. Санникова // Азиатская Россия: проблемы социально-экономического, демографического и культурного развития (XVII—XXI вв.) : материалы междунар. науч. конф. — Новосибирск : Параллель, 2017. — С. 259—263.
17. *Санникова Я. М.* Традиционное хозяйство Севера Якутии в условиях трансформаций XX века: оленеводство на Колыме через призму времени / Я. М. Санникова // Научный диалог. — 2016. — № 7 (55). — С. 215—229.
18. *Сулейманов А. А.* Этническая идентичность юкагиров Якутии в научном дискурсе XIX — нач. XXI вв. / А. А. Сулейманов // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. — 2018. — № 2 (20) — С. 80—90.
19. *Тарасов И. А.* КПСС — организатор социалистического преобразования хозяйства малых народностей Севера / И. А. Тарасов. — Якутск : Якуткнигоиздат, 1967. — 175 с.
20. *Филиппова В. В.* Коренные малочисленные народы Севера Якутии в меняющемся пространстве жизнедеятельности. Вторая половина XX века / В. В. Филиппова. — Новосибирск : Наука, 2017. — 175 с.

21. *Филиппова В. В.* Эвены Березовки в условиях наводнений: из опыта седентеризации / В. В. Филиппова // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. — 2017. — № 12. — С. 84—88.

22. *Хаховская Л. Н.* Модернизация традиционного образа жизни чукотских оленеводов в советский период / Л. Н. Хаховская // Этнокультурные процессы в многонациональном государстве (к 100-летию революции 1917 года в России). — Санкт-Петербург : Изд.-полиграф. центр Санкт-Петербургского университета технологии и дизайна. — 2017. — С. 149—153.

23. *Шмидт Г. И.* Оленеводство как образ жизни малочисленных народов Севера / Г. И. Шмидт // Северо-Восток России: прошлое, настоящее, будущее. — Магадан, 1998. — С. 168—169.

24. *Bogoraz V.* Tales of jukagir, lamut, and russianized natives of Eastern Siberia. / V. Bogoraz // Anthropological papers of the American museum of natural history . — Vol. XX, Part I. — New York : The Trustees, 1918. — P. 136—148.

25. *Stammler F.* Reindeer nomads meet the market: culture, property and globalisation at the end of the land / F. Stammler. — Muenster : Litverlag (Halle Studies in the Anthropology of Eurasia), 2005. — Vol. 6. — 320 p.

Aboriginal Communities of Russian Arctic in the 20th Century: Authorities and Nomads of Yakutia

© **Vinokurova Liliya Innokentyevna (2019)**, orcid.org/0000-0002-5779-6893, PhD in History, leading research scientist, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Siberian branch of the Russian Academy of Sciences (Yakutsk, Russia), lilivin@mail.ru.

© **Sannikova Yana Mikhaylovna (2019)**, orcid.org/0000-0002-7430-8783, PhD in History, senior research scientist, Department of History and Ethno-Sociology of Arctic, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Siberian branch of the Russian Academy of Sciences (Yakutsk, Russia), sannikowa@mail.ru.

© **Suleymanov Aleksandr Albertovich (2019)**, orcid.org/0000-0001-8746-258X, PhD in History, senior research scientist, Department of History and Ethno-Sociology of Arctic, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Siberian branch of the Russian Academy of Sciences (Yakutsk, Russia), alexas1306@gmail.com.

© **Philippova Viktoriya Viktorovna (2019)**, orcid.org/0000-0002-3900-918X, PhD in History, senior research scientist, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Siberian branch of the Russian Academy of Sciences (Yakutsk, Russia), filippovav@mail.ru.

© **Grigoryev Stepan Alekseyevich (2019)**, orcid.org/0000-0001-9365-0122, PhD in History, research scientist, Department of Arctic Studies, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Siberian branch of the Russian Academy of Sciences (Yakutsk, Russia), DeTample@yandex.ru.

The article considers the dynamics of the lifestyle of nomads-reindeer herders of Yakutia under the influence of transformation processes that took place during the 20th century. It is shown that changes in political and socio-economic realities have changed

the environment of nomadic life twice. It is noted that in the 1930—1960-ies reindeer herding in the Republic was influenced by the policy of mass collectivization of farms and transfer to settlement residence. It is indicated that the Soviet modernization of the village has become a significant challenge for the nomads: direct administrative pressure was exerted both in the socialization and in the transfer to a sedentary lifestyle. Particularly long-term preservation of nomadism in Yakutia as a way of life determined by the peculiarities of traditional reindeer husbandry in the Republic is highlighted. The authors states that the position of the official authorities in relation to the traditional economy of nomads only as to commodity sector of the agricultural sector devalued the cultural values of nomadic communities. It is emphasized that the transformation of lifestyle caused the crisis of the nomadic family, interrupted the continuity of generations in the nomadic communities, contributed to the discrimination of the culture of nomadic ethnic groups. It is indicated that the return of nomadic tribal communities in the 1990-ies was a form of ethnic self-organization of Yakutia reindeer herders.

Key words: Arctic; Yakutia; social history; indigenous peoples; reindeer husbandry; traditional economy.

Material resources

GARF — *Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii*. (In Russ.).

MAMR NR — *Munitsipalnyy arkhiv Nizhnekolymnskogo rayona RS (Ya)*. (In Russ.).

Yakutiya: XX vek v zerkale statistiki. (2001). Yakutsk: Sakhapoligrafizdat. (In Russ.).

References

- Anderson, D. Dzh. (1998). *Tundroviki. Ekologiya i samosoznanie taymyrskikh evenkov i dolgan*. Novosibirsk: Izdatelstvo SO RAN. (In Russ.).
- Bogoraz, V. (1918). Tales of jukagir, lamut, and russianized natives of Eastern Siberia. In: *Anthropological papers of the American museum of natural history*. New York: The Trustees. 20 (1): 136—148.
- Boyakova, S. I. (1995). *Glavsevmorput' v osvoyenii i razvitii Severa Yakutii (1932 — iyun' 1941.)*. Novosibirsk: Nauka. (In Russ.).
- Donskoy, F. S. (2006). *Korennyye malochislennyye narody Severa, Sibiri i Dalnego Vostoka vo 2-oy polovine XX v.* Novosibirsk: Nauka. 3. (In Russ.).
- Filippova, V. V. (2017). Eveny Berezovki v usloviyakh navodneniy: iz opyta sedenterizatsii. *Sovremennaya nauka: aktualnyye problemy teorii i praktiki. Seriya Gumanitarnyye nauki*, 12: 84—88. (In Russ.).
- Filippova, V. V. (2017). *Korennyye malochislennyye narody Severa Yakutii v menyayushchemsya prostranstve zhiznedeyatelnosti. Vtoraya polovina XX veka*. Novosibirsk: Nauka. (In Russ.).
- Golovnev, A. V. (1995). *Govoryashchie kultury: traditsii samodiytsev i ugrov*. Yekaterinburg: UrO RAN. (In Russ.).
- Golovnev, A. V. (2009). *Antropologiya dvizheniya*. Yekaterinburg: UrO RAN; Volot. (In Russ.).
- Iokhelson, V. I. (1900). Brodyachie rody tundry mezhdru rekami Indigirkoy i Kolymoy, ikh eticheskii sostav, narechie, byt, brachnyye i inyye obychai i vzaimodeystvie razlichnykh plemennykh elementov. In: *Zhivaya starina*, 1 (2): 1—43. (In Russ.).

- Istomin, K. V. (2015). Kochevaya mobilnost' komi-izhemsikh olenevodov: snegokhodnaya revolyutsiya i rynochnaya restavratsiya. *Uralskiy istoricheskiy vestnik*, 2 (47): 17—25. (In Russ.).
- Karlov, V. V. (2016). Kochevniki v mire moderna i postmoderna. Opyt i perspektivy adaptatsii. *Sibirskie istoricheskie issledovaniya*, 4: 131—153. (In Russ.).
- Khakhovskaya, L. N. (2017). Modernizatsiya traditsionnogo obraza zhizni chukotskikh olenevodov v sovetskiy period. In: *Etnokulturnyye protsessy v mnogonatsionalnom gosudarstve (k 100-letiyu revolyutsii 1917 goda v Rossii)*. Sankt-Peterburg: Izd.-poligraf. tsentr Sankt-Peterburgskogo universiteta tekhnologii i dizayna. 149—153. (In Russ.).
- Kovlekov, S. I. (1999). Agrarnaya reforma v Respublike Sakha (Yakutiya) v 1991—1995 gg. In: *Suverennaya Respublika Sakha (Yakutiya) (1991—1996): problemy korennykh preobrazovaniy*. Yakutsk: IGI AN RS (Ya). 76—110. (In Russ.).
- Kurilyuk, A. D. (1982). *Olenevodstvo Yakutskoy ASSR*. Yakutsk: Yakutskoye knizh. izdvo. (In Russ.).
- Martynova, E. P. (2014). Olenevody Yamala i rynochnaya ekonomika: vzglyad antropologa. *Nauchnyy vestnik Yamalo-Nenetskogo avtonomnogo okruga*, 1 (82): 46—50. (In Russ.).
- Maydel, G. L. (1894). *Puteshestvie po Severo-Vostochnoy chasti Yakutskoy oblasti v 1868—1870 godakh*. Sankt-Peterburg: Izdatelstvo Imperatorskoy Akademii nauk. (In Russ.).
- Pika, A. I., Prokhorov, B. B. (1988). Bolshiye problemy malyykh narodov. *Kommunist*, 16: 76—83. (In Russ.).
- Sannikova, Ya. M. (2016). Traditional Economy of the North of Yakutia in Conditions of XX Century Transformations: Reindeer Herding in Kolyma through the Prism of Time. *Nauchnyi dialog*, 7 (55): 215—229. (In Russ.).
- Sannikova, Ya. M. (2017). Agrarnaya politika i vrozozhdenie rodovykh obshchin v arkticheskikh rayonakh Yakutii v 1990-e gg. In: *Aziatskaya Rossiya: problemy sotsialno-ekonomicheskogo, demograficheskogo i kulturnogo razvitiya (XVII—XXI vv.)*. Novosibirsk: Parallel. 259—263. (In Russ.).
- Shmidt, G. I. (1998). Olenevodstvo kak obraz zhizni malochislennykh narodov Severa. In: *Severo-Vostok Rossii: proshloye, nastoyashcheye, budushcheye*. Magadan 168—169. (In Russ.).
- Stammler, F. (2005). *Reindeer nomads meet the market: culture, property and globalisation at the end of the land*. Muenster: Litverlag (Halle Studies in the Anthropology of Eurasia). 6.
- Suleymanov, A. A. (2018). Etnicheskaya identichnost' yukagirov Yakutii v nauchnom diskurse XIX — nach. XXI vv. *Tomskiy zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovaniy*, 2 (20): 80—90. (In Russ.).
- Tarasov, I. A. (1967). *KPSS — organizator sotsialisticheskogo preobrazovaniya khozyaystva malyykh narodnostey Severa*. Yakutsk: Knizhnoye izdatelstvo. (In Russ.).

- Vinokurova, L. I. (2018). Povsednevnost' selskikh poseleniy Yakutii v istoriko-kulturnom prostranstve vtoroy poloviny XX veka. *Severo-Vostochnyy gumanitarnyy vestnik*, 3: 52—57. (In Russ.).
- Volzhanina, E. A. (2013). Puti perekhoda s kochevogo na osedlyy obraz zhizni i obratno na Yamale v pervoy trety 30-kh gg. XX v. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, 2: 131—140. (In Russ.).